
ЭММАНУИЛ ШТЕЙН
МНЕМОЗИНА
И
КАИССА

эммануил
штейн

МНЕМОЗИНА
И
КАИССА

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Составитель Э. Штейн

Издательство «Ладья»

Обложка работы
Э. Бакста

New York

Library of Congress Catalog Card Number: 73-85019

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Мнемозина и Каисса» — первая антология русской шахматной поэзии, пытающаяся дать картину использования поэтами шахматных аллегорий и символов.

Заглавием антологии мы хотели показать, что поэзия вообще и шахматная в частности два притока одной реки — искусства. Мнемозина — мать девяти муз, Каисса — дриада, впервые воспетая в одноименной поэме Уильямом Джонсом, стала богиней шахмат.

В нашем собрании представлена шахматная поэзия от Пушкина до наших дней. Лирика XX века, с шахматами, как основной темой стихотворения, занимает в настоящей антологии главное место. Стихов поэтов XIX века в ней значительно меньше, так как многие из них предпочитали воспевать то бостон, то вист, то просто провозглашали: «Не время в шахматы играть...» (Некрасов «Гражданин»).

В антологию включены стихотворения как советских, так и зарубежных поэтов. Если первые лишь раскрывают перипетии шахматных сражений (кроме Пастернака), то поэты в изгнании зачастую эмоционально отождествляют себя с гибнущим королем, для них шахматная символика только код к «тягостным раздумьям о судьбах моей родины».

Роман Якобсон первый ознакомился с рукописью книги и сделал ряд ценных замечаний, Алексис Раннит по-дружески поддерживал составителя в трудные минуты, которых было немало, а Ольга Анстей помогла найти ряд стихотворений в сборниках, ставших библиографической редкостью. Им я выражаю свою признательность.

ПОЭЗИЯ И ШАХМАТЫ

«...Этюды и задачи — это поэзия шахмат, настоящая поэзия, как и поэзия в целом».

В. Набоков

«Шахматы — не азартная игра. Они содержат в себе чистое наслаждение, как искусно изваянная статуя или хорошее стихотворение».

М. Садовяну

Прелесть шахматной игры, богатство её возможностей, многогранная символика — издавна привлекали к королевской игре пристальное внимание поэтов и писателей. В шахматах они искали не только темы для своих произведений, но нечто большее: вдохновение.

Персидского поэта, мыслителя и писателя древности Фирдоуси как-то спросили, почему в своём творчестве он так много места и внимания уделяет шахматам. Ответ поэта: «Чтобы найти вдохновение в поэзии», — можно поставить эпиграфом к любому критическому труду о поэзии.

Поэты находят в шахматах вдохновение, а шахматисты в поэзии — гармонию, мелодию, потому что подлинное произведение звучно своим внутренним горением — этим же огнём мысли дышит каждая комбинационная партия. Поэзия — свод поэтических аксиом и теорем, шахматы зиждутся на том

же. Прав был Георгий Адамович, говоря, что «в словах присутствует то, чего нет в звуках, ...красках: логическая связь». Она (логическая связь) и роднит шахматы с поэзией. Если согласиться с гамсуновским утверждением, что правда — это незаинтересованная субъективность, то искатели объективной правды должны искать истину только в поэзии и шахматах.

Поэзия и шахматы постоянно стремятся к идеалу: предельно насыщенной и одновременно краткой, эмоциональной, философской зарисовке или к рациональному решению. И подобно идеальному сонету, в котором первое четверостишие — тезис, второй катрен — антитезис, первое трёхстишие — борьба между ними, последний терцет — синтез; «вечнозелёные» партии по дебюту — тот же тезис, по миттельшпилю — разгоревшийся конфликт между белой и чёрной армиями, а эндшпиль — сложное обобщение предыдущих стадий игрового процесса.

История развития поэзии и шахмат позволяет нам сопоставлять творения Мнемозины и Каиссы, поскольку они неразрывно связаны между собой краеугольным камнем нашего бытия — человеческой мыслью. Шахматный ход характеризуется строго законченной и продуманной линейностью, поэтому баталии на ограниченном черно-белом квадрате, по мелодии мысли и классической структуре, почти всегда адекватны поэзии, стихотворениям, лишенным византийской орнаментальности, стихотворениям аполлонического характера. И даже тогда, когда в том или ином поэтическом произведении преобладает элемент абстракции, оно всё равно подобно

гармонической шахматной композиции, созданной из отвлечённых слагаемых.

Алексис Раннит говорит, что «поэзия — это священная геометрия, и технически каждое стихотворение тождественно крестословице». Расширяя мысль поэта, мы можем сравнить поэзию с искусством замкнутой структуры, ограниченной 64-мя полями, своеобразными квадратами крестословицы — шахматами.

Из всех интеллектуальных игр, созданных человеком, шахматы, пожалуй, одни из немногих, выдержавших испытание тысячелетиями, прошедшие «через века и страны». Эту «биологическую совместимость» шахмат с жизнью человека следует объяснять, прежде всего, той красотой, которой они воздействуют на наше воображение.

Человек-творец, осваивая природу, руководствуется в своей созидательной деятельности идеалом красоты — порядком, отсюда одним из эталонов прекрасного как раз и являются шахматы и поэзия. Шахматы красивы, так как они логичны, поэзия прекрасна, потому что в своей совершенной форме она соединяет сложную гамму человеческих страстей и мыслей.

Одни и те же чувства и мысли можно выразить плохо и удачно: словами-калеками и словами, которые напоминают кристалл или бутон цветка, геометрическую теорему или парящую чайку, или, наконец, неожиданно-остроумную шахматную комбинацию. Отсюда шахматы давно стали одной из тем, узаконенных поэзией.

Различные стихотворные формы: сонеты и триолеты, чахрухаули и рондели, месневи и танки воплощают в сочетания звуков поэтический замысел, а шахматные дебюты помогают в осуществлении тех или иных стратегических концепций играющих, причём небольшие условности, как поэтического, так и шахматного плана, не могут умалить свежести и очарования произведений искусства.

Поэтические и шахматные произведения большой силы вызывают высокий эмоциональный накал — это объясняет, почему шахматная поэтика, как поэзия в целом, приносит человечеству радость.

Владимир Набоков в предисловии к книге «Poems and Problems» пишет: «Шахматные задачи и этюды требуют от их композиторов той же виртуозности, которая характеризует всякое высокое искусство: оригинальности, гармонии, богатства форм...». Эти слова поэта и шахматного композитора не нуждаются в добавлении — они обобщают и суммируют несметное множество шахматных образов, которые, благодаря специфическому восприятию, претворяются в художественно-эстетические ценности.

Лаконичность и отточенность эпиграммной формы, перерождающиеся на шахматной доске в «малютку-бэби», композицию, состоящую в первоначальном положении из пяти фигур, одно из многих доказательств связи двух видов искусства.

Все же было бы ошибкой забыть о некоторых особенностях, отличающих поэзию от шахмат. В век регулярных «прилунений» человека на нашем серебряном спутнике в шахматы начали играть даже

компьюторы, которые, в зависимости от программирования, иногда обыгрывают и мастеров, а вот писать хорошие стихи компьюторы пока еще не научились. Кто знает, быть может, это не недостаток, а преимущество поэзии над шахматами? Поэзии, однако, недоступно то, что является жизненной основой мудрой игры: язык шахматных юморесок и ронделей — «вечнозелёных» партий и миниатюр понятен всем народам, он не нуждается в переводе, — ведь недаром девизом шахматистов планеты стали слова: «Генс уна сумус!»

Торжество творческой мысли — вот основная цель искусства, в частности поэзии и шахмат. На протяжении эпох, катаклизмов и цивилизаций, шахматы наводили игроков и наблюдателей на философские размышления о совокупности света и мрака, с их постоянным чередованием, на мысли об извечной борьбе между «белыми» (правдой, светом, любовью) и «чёрными» (силами лжи, тьмы, ненависти), на мысли о том, что человеческая судьба такая же игрушка в руках неведомой силы, как шахматные фигуры, передвигаемые игроком, на мысль о самом прекрасном в жизни — подвиге самопожертвования (для спасения не только королей и ферзей, но, прежде всего, скромных пешек). Поэтому шахматный мир глубоких ассоциаций, с их тончайшими нюансами, привлекает к себе человечество уже более двух тысяч лет.

Эммануил Штейн

Владимир Агатов

ШАХМАТЫ

Пренебреженьем к этикету
Смущён холодный мажордом —
Король французский на паркете
Играет в шахматы с шутом.

Взгляд короля спокойно гневен,
Закон фигур ему знаком:
— Шах — королю! Шах королеве!
Снял короля король конём.

Король верхом. Король в доспехах.
Трубят поход фельдъегеря
— Его величеству успеха!
— Его величеству ура! —

Война... Король спокойно гневен,
Закон войны ему знаком —
— Шах — королю! Шах — королеве!
Взял короля король мечом.

Ночь... Оплывают в замке свечи.
Король уж спит... Но вдруг набат.
Мелькают головы и плечи.
Народ берёт дворцовый сад.

— Смерть королю! — Народ разгневан.
Гул голосов, звон хрусталя,
— Шах — королю! Шах — королеве!
И пешки сняли короля.

П. С. Бобрищев-Пушкин

ШАХМАТЫ

Однажды шахматы по воле игроков
По шахматной доске, болтая вздор, слонялись
И между прочих пустяков
Друг перед дружкой величались:
Слон
Хвастался, что он,
Вблизи царя и ферзи стоя,
Не знает ни на час себе покоя,
Трудясь для общего добра, —
И что одним
Лишь им
Вся держится игра.
Ладья кричит всем без умолку,
Что окромя её, ни в ком нет толку,
А конь — старинный хват —
Кричит, как будто на подряд,
Что он ни в чем, нигде препятствия не знает.
Что, говоря нередко «мат»,
По головам и ферзей, и слонов шагает.
И словом все — и пешки, и кони,
Слоны, и ферзи, и ладьи,
Без всякой совести свои
Друг перед дружкою заслуги выставляли
И верно б так кричали
И спорили до сей поры,
А может быть, без дела стоя
На шахматной доске, крик подняли б и втрое: —

Но к счастию, с концом игры
Хозяин кончил их и хвастовство пустое.
А вместе с ними дал и добрый нам урок, —
Он положил их всех в один мешок.

С. Бондарин

ШАХМАТЫ

Открывши
этот умный ящик,
С любовью отберёт рука
Двух королей ненастоящих,
Ненастоящие войска.

На клетках
жизни выраженье
Тончайшее! Вообрази,
Как только
началось сраженье
Царят не короли — ферзи.

1969 г.

Федор Николаевич Глинка

НАУКА

Как в шахматы играть, так в свете должно жить:
И чтоб хождение твоё в нём было прочно,
Смотри, чтоб с умыслом — и даже ненарочно —
На клеточку чужую не ступить.

Между 9 марта — 31 мая 1826 г.

АНАТОЛИЮ САПРОНОВУ

Как только на шахматы брошу я взгляд,
Всегда загораюсь весёлым огнем:
Готовые к бою фигуры стоят,
И каждая пешка на поле своём.

Как в жизни — расписано всё по ролям,
У всех свое место, и всем свой черед.
И можно назад отступать королям,
Но пешки идти могут только вперёд.

Мой день, моя ночь еще крепко стоят,
Как белый квадрат и как чёрный квадрат.

Я тоже на шахматном поле стою,
Я тоже игру защищаю мою,

Еще моё сердце стучит и стучит
На стыке маневров, атак и защит!

Но с поля когда-нибудь снимут меня
Каким-нибудь каверзным ходом коня

За то, что я силы своей не жалев
Кидался по следу чужих королев,

За то, что с позиций, разгромленных вдрызг,
Я шел на предсмертный, восторженный риск!

За то, что сыграть не умел я вничью, —
За все это гибелью я заплачу!

Навстречу мне —вражеских пешек навал,
И вот он, король мой, на смертном одре...
Но если я даже игру проиграл,
Я всё же участвовал в этой игре!

14 мая 1972 г.

Вера Инбер

ТАК ВЫГЛЯДИТ...

Задолго до назначенного дня,
Бывало, рыцарь, трус или задира,
Равно готовит латы для турнира
И пестует атласного коня.

И наконец, под медный рокот труб,
Из медленного зева черных башен
Он выезжает, перьями украшен,
Укрыв забралом легкий трепет губ.

Горит на солнце острие копья,
И вдалеке бела как сахар грива
Зелёных или синих волн залива,
Где плещется упругая ладья.

А на гербах узоры из полос,
А на трибуне, под крылом берета,
Глаза аквамаринового цвета
И золото средневековых кос.

И на закате солнца тень резка,
И каменные десны стен зубчатых
Отбрасывают черные квадраты
На желтую отчетливость песка.

И рыцари с трепещущей губой
Разят вперед, налево и направо.
И зачастую бранную забаву
Уже не шуточный сменяет бой.

И топчут кони смежные поля,
Из пехотинцев многие убиты,
И у ладьи должна искать защиты
Священная особа короля...

Теперь иные способы борьбы.
В эпоху не ладьи, а парохода
Исчезли навсегда из обихода
И рыцари, и латы, и гербы.

Но зрелища как прежде любит мир,
Где требуется выдержка и воля,
И на квадратах шахматного поля
Вновь оживает рыцарский турнир.

И топчут кони смежные поля,
Из пехотинцев многие убиты,
И у ладьи должна искать защиты
Священная особа короля.

Но судьбами боёв вершит сейчас
Не женский взгляд восторженный и робкий,
А из-под лысой черепной коробки
Стеклянный блеск вооруженных глаз.

А улицы толпой наводнены.
Вверху экран и громкоговоритель...
Так выглядит обычно победитель
Международной шахматной войны.

1925 г.

А. Лозина — Лозинский

CHIMERISANDO

Я в шахматы играл с одним евреем, странно
Напоминавшим мне рисунки древних Фив,
Когда мечтательно, печально, бездыханно,
Упала на доску, фигуры повалив,
Разбившись о стекло сквозной беседки парка,
Миниатюрная, пернатая дикарка.
Ах, труп был женственным и полным тихой муки,
Как неоконченный, прозрачнейший сонет,
Как та, которую замучил я от скуки,
И о которой я грустил так много лет...
Я гладил тёплый труп, старался делать больно,
Но, нет, она была безмолвна и безвольна!..

А на доске меж тем, среди фигур узорных,
Как та, другая, та, которую люблю
Я до сих пор еще, шла королева чёрных,
Стройна, черства, мертва, к тупому королю,
И странный мой партнёр вдруг стал эмблемой Рока,
А всё вокруг меня — спокойно и жестоко.

1916 г.

Юрий Мандельштам

ШАХМАТЫ

Как вырваться из призрачной неволи
Живых фигур и мертвенных людей?
Несутся кони, лёгкие до боли,
И не найти защиты у ладей.

Все те же шестьдесят четыре клетки
И будничный неотвратимый страх.
Возможные удачи слишком редки,
А там — позорный пат и грубый шах.

О, напряженье долгого турнира!
Окупит ли поездку пятый приз?
Как вырваться из призрачного мира?
Наверх нельзя, конечно, — только вниз.

Всё ясно для любительского глаза,
Не то, что мастеру: спасенья нет.
В удушьи боли, нищеты и газа,
В холодной комнате... Какой просвет!

1935 г.

Борис Нарциссов

КОРОЛЬ

Черный и головастый, в короне кургузой,
Самый высокий из всех фигур,
Он блистал лакированным пузом
Средь коней плясовитых и грузных тур.

Тон его сначала был гордый:
«Два шага в сторону! Шаг вперёд!
Позицию в центре держите твёрдо!
Пешка гибнет, и другая берёт!»

На доске возникает напряжение,
Фигуры источают линии сил.
Гибкая сеть защит и нападений
Паутиной на ветру висит.

Но вот зазвучала тревожная нота
И превращается в трубный вой:
Квадраты доски, как пчелиные соты,
Куда ворвался враждебный рой.

Кособоко, двумя прыжками
Хитрый конь
Объявляет шах.
Удары косо и прямо;

За смертную грань задев,
Король хочет в сторону. Ах!
По линии f
Анфиладный огонь!

Издалека напрасна на выручку спешка.
«Милая королева! Помогите же, наконец!»
Ох, больно бодается рогатая пешка...
Плебейской рукой — королевский венец.

1961 г.

ШАХМАТЫ

То ночь, то день. На чёрно-белых
Полях борьба — за ходом ход.
Игрок невольный, неумелый,
Влекусь в игры водоворот.

Я сделал ход мой: я родился.
И черный принял вызов мой.
Прекрасной Дамой заградился
Я от угрозы теневой.

Но Дама светлая потере
В такой игре обречена:
Кто день исчислит и отмерит,
Когда с доски сойдёт она?

То день, то ночь. Теперь всё ближе,
Всё туже вражеский охват.
По черно-белым клеткам нижет
Противник ход за ходом мат.

И вот конец борьбе упорной,
Неотвратимый для меня:
Игру выигрывает Чёрный
Началом Бледного Коня.

1958 г.

ШАХМАТЫ

Тиамат — начальная тьма
Сумерийские мифы

Блестят фигурки на доске —
Ладьи, слоны, цари и кони...
Сверлит упрямо боль в виске
И к проигрышу ходы клонит.

И это мир. Когда-то хаос,
Он превращён в закон игрой.
Я прячу голову, как страус,
Во всё, в чём есть закон и строй.

Но уберут фигурки в ящик,
Когда дадут последний мат,
И будет снова настоящий
Бессветный хаос — Тиамат.

АЛЕФ

ℵ — символ множества в математике

— «Замечательной красоты комбинация:
Мат внезапный слоном и конями!»
И вот тут собираюсь дознаться я
Что зовём красотой мы сами, —
И без нас красота — что такое?
Говорят — красота в покое,
Говорят — красота в движенье...
Может быть, она в выраженье?

— Причём здесь шахматы? Известно,
Что биллионы всех ходов
Возможны на пространстве тесном
Условной битвы игроков.

Бессмыслен весь Великий Алеф
Возможностей всего и всех.
Но древний Змий, свой хвост ужалив,
В кольцо сплетает мысли грех.

Он соблазняет Прометея
Похитить мысленный огонь.
И, вот, над хаосом потея,
Весь в мыле, мат свершает конь.

И красота — в любом усилье
Создать сверканье мысли в нас.
Смотри: из угля — чёрной пыли —
В земле рождается алмаз.

Александр Орлов

ШАХМАТНЫЕ СТРОКИ

Есть партии короче, чем сонет,
Где каждый ход единственный, как слово,
Забытое и найденное снова
В момент, когда другого слова нет.
Сухие догмы шахматной игры
Сверкают в них, как луч на гранях призмы.
В них варианты, словно афоризмы,
Красивы, неожиданны, остры.
Их скрытый ритм естественен и строг.
Они — произведения искусства,
Где всё полно стремительного чувства
И простоты изысканнейших строк.

Король

Король и с пешкой сладит не всегда.
Он очень слаб, он ходит еле-еле.
Его б фигуры били без труда,
Когда бы только бить они посмели.
Но он — король! И даже сильный враг
Ему не смеет угрожать иначе,
Чем говоря: «Прошу прощенья, шах!»
А если мат — так это только сдача.

Один за всех и все за одного —
Такое право королю даётся.
И все фигуры гибнут за него.
Зато король один за всех сдаётся.

Пат

Спасти желая собственную шкуру,
Король, как мышь, метался по доске.
И, потеряв последнюю фигуру,
От мата был уже на волоске.
Но с помощью отчаянной уловки
Подставил ножку он судьбе своей
И, сам себя захлопнув в мышеловке,
Потребовал положенной ничьей.

Ноябрь, 1971 г.

Геннадий Панин

ШАХМАТИСТАМ

Шестьдесят четыре... мера поля.
Армии сторон невелики.
Хитрым, предприимчивым раздолье...
Мысли взрыв... спокойный ход руки.
А врага ответ заранее взвешен, —
Тут берут не силой, а умом,
И, в фигуры превратившись, пешки
Состязаться могут с королём.
Только здесь несведущим не место,
А ведь я в игру не посвящен, —
Между тем хотел бы, чтоб поклон
Приняли вы от меня, маэстро.

Август. 1971 г.

МАРБУРГ

Чего мне бояться? Я твёрже грамматики
Бессонницу знаю. И мне не брести
По голой плите босоногим лунатиком
Средь лип и берёз из слоновой кости.

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет и окна распахнуты
И страсть, как свидетель, седеет в углу.

И тополь — король. Королева — бессонница.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

1915 г.

Валерий Перелешин

ЗАЩИТА ЛУЖИНА

Моей матери

С каждым днём тебя всё туже, туже
Обступают битые поля,
Но ещё ты борешься, как Лужин,
Белого спасая короля.

Пусть ещё роскошествует лето
И цветут пленительные сны, —
Но тебя к диагонали Леты
Оттесняют чёрные слоны.

Голубое защитит ли платье?
Ах, едва ль! Всё ближе до реки
Нынче не язвительный Турати
Тесные подстроил тупики, —

Разве у него в резерве старость
И усталость, чтоб не помогли
Ни любовь, ни запоздалый парус
Преданной и гибнущей ладьи?

Пешки облепили, как пиявки,
Как шмели, коню язвят бока,
И последняя сметает ставки
Вражья ненасытная рука.

Женщина с ладьёй утонут вместе
И тогда в отместку и назло,
Наверху, над улицей предместья
Зазвенит разбитое стекло.

ШАХМАТЫ

Эммануилу Штейну

Блики сводят с ума,
В зеркале тени проносятся:
Чехарда, кутерьма,
Шалая чересполосица.

А с горы — свысока,
Хвалятся математики,
Что потеха занятна,
Что совсем не на пятна
Делится, а на квадратики
Шахматная доска.

1971 г.

ИГРА

За шахматы мы в полдень сели
вблизи Байкала. Той порой
ещё трехцветные висели
полотнища над Ангарой.

Противник мой, в игре счастливый,
шального риска не любя,
оглядчивый и терпеливый,
влюблённый в самого себя, —

в рассчётах смел, в ударах меток...
Но что за странная доска?
На ней всё меньше белых клеток,
всё глуше чёрная тоска!

1971 г.

ОКРАИННОМУ ПОЭТУ

Не говори, что жизнь — орёл и решка,
Случайностей алтынный перезвон:
В ней видится таинственный закон,
И знак дурной — поспешная насмешка.

Игра сложней: разведка, перебежка,
То прорван фланг, то выдвинут заслон,
То жертвуют собою Конь и Слон,
То за Ладью смиренно гибнет пешка.

По краешку большой доски земной
Шагай и ты, поэт непроходной,
Всегда вперёд под пушечным обстрелом.

Нет выбора, и отступить нельзя.
Ещё рывок — и во спасенье белым
В тылу врага ты станешь за ферзя!

1972 г.

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Пока не начался исправный счёт эпох,
Две дружелюбные, сговорчивые воли
Игру затеяли и поделили роли:
Я — добрый Боженька, ты — злой Противобог.

Ловушки строили, чтоб захватить врасплох,
Хоть было всадникам, стрелкам не всё равно ли
Упасть на тёмное или пустое поле:
Ведь над обоими взойдёт чертополох!

Смеялись ангелы оплошностям бесовским,
А бесы тешились открытьем философским,
Что всё когда-нибудь рассыплется в ничто.

Потом соперники устали от насмешек,
Сложили шахматы и сели за лото,
Где шансы поровну и нет ферзей и пешек.

1972 г.

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Король

В пышной мантии с длинным шлейфом
неуклюж Король, но в ушах
раздаётся: — Расстанься с кейфом,
величавый персидский Шах!

Королева

Ферзь — мужчина? Дерзкая ересь,
хоть иконы вон выноси!
Говорилось: «добрая ферязь»
в старину у нас на Руси.

Тура

Башня брызжет смолой, камнями, —
не мешайте палить, свои!
Но плавучими крепостями
у варягов были ладьи.

Слон

Офицер, Епископ — Востоку
незнакомы: конечно, он —
обходящий врага и сбоку
нападающий умный Слон!

Конь

Середину сомнет и фланги,
остановит мощный огонь
замелькавший в тылу фаланги
урагану подобный Конь.

Пешка

Лишь идущей поступью мерной
на ощеренный стан врагов
заповедано Пешке верной
поле в семь пересечь шагов.

И она не щадит усилий
ради лавров, пальм и литавр:
начинали так же Василий
Македонец и Лев Исавр!

17 октября 1972 г.

Александр Перфильев

«ПЕТЕРБУРГСКИЕ МИНИАТЮРЫ. 1»

Осенний вечер. В доме окна настежь,
Из них к Неве струится дым и чад...
Голландский свой попыхивая кнастер,
За шахматной доской они сидят...

На шхунах ветерок шевелит снасти,
А игроки, насупившись, молчат,
Глаза устремлены в один квадрат:
На нём английский корабельный мастер
России делает в четыре хода мат.

Петр Потемкин

ПЕШКА, КОРОЛЬ И ФЕРЯЗЬ

Шахматная басня

В своём бессилии уверясь,
Сказала Пешка: «Друг мой Ферязь,
Скажи мне, отчего, как я ни бьюсь,
Всё в Короли не проберусь,
Хотя не скрою,
Фигурой сделаться могу любою?»
— «Утешься, не горюй о том, —
Ей Ферязь говорит с усмешкой. —
Ты не бываешь Королём,
Зато Король бывает Пешкой»

(1905 г.)

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

— — — — — — — — —

1833 г.

П. Серебряков

ВРАЖДА

Не помнит никто, почему и когда,
За славу или за власть,
У двух королей вековая вражда,
Вековая война началась.

Наверное, черный не верил в свет,
А белый не верил в тьму.
Но свою правоту за тысячу лет
Утвердить не пришлось никому.

Они устали. Им тяжело.
Но в битву бросаются вновь,
Будто враждуют добро и зло,
Ненависть и любовь.

1969 г.

КОРОЛЕВСКИЕ ПЕШКИ

Белый король немного помешкал,
Белый король прищурил глаз.
— Битву начнет королевская пешка, —
Был короля приказ.

Чёрный король чернее тучи,
Черный король делает ход.
Личную пешку, самую лучшую,
Он отправил вперёд.

Белый иль черный падет под насмешки
Чёрный иль белый хитрей и умней?
Но первыми гибнут верные пешки
Враждующих королей.

1969 г.

Велимир Хлебников

«ДЕТИ ВЫДРЫ»

«Путешествие на пароходе» — 5-ый парус

Дети Выдры играют на пароходе в шахматы.
Площадь — поле шахматной доски; действующие лица:
Пешки, Ферязь, Конь и другие.
Видны руки Детей Выдры и огромные спички.
Черные молчат. Белые говорливы.

1-ая пешка: Тра-ра-ра, тра-ра-ра, тра-ра-ра.
Тра, ра, ра, ра —
Мы люди войны и удара.
Ура, ура!

2-ая пешка: На зовы войны и пожарищ
Шагает со мною товарищ.
И с нами шагает беда!
(Мрачно)
Да-да!

Предводитель: Возьми скорей на мушку,
Задумчивую пушку.
Зовет рожок военный,
За мной идет отряд.
Молвою вдохновенной
Те пушки говорят.
У каждой свой заряд.

3-я пешка: Там, там,
К высотам!
Знамя там.

Конь: Скачу я вбок и через,
Туда, где вражья Ферязь.
Я ноги возвысил,
А уши развесил.
Меж вражеских чисел
Кидаюсь я весел.

Ферязь: В латах я. Пусть
Нами башня занята
Не та.
Ура так просится к устам!
Победа все еще не там!
На помощь иду я.
К усталым отвагам
Ускоренным шагом.
Воюя и дуя!
В кровавых латах прочь мы выдаем
И столько люда не увидим.

Черные
молчаливые: Зирин! Зирин!
Черные: Мат!
(Шахматы складываются в коробку)
Сын Выдры: Вот и всё.

1910-1912 гг.

А. Цветков

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ

Ответный ход. Заученная спешка.
В густой тени сливаются поля.
Мой белый конь храпит над черной пешкой,
Ушами неприметно шевеля.

Ответный ход. И в темпе угорелом
Своей неуязвимостью сильна,
Чужая пешка держит под обстрелом
Мифического белого слона.

Идет размен. Фигура на прицеле.
А за окном нахмурилась зима.
Там все большое, все на самом деле —
Река, деревья, люди и дома.

Таким фигурам и доска большая,
Поля ее из суши и воды.
И все попеременно совершают
Совсем необъяснимые ходы.

Толпятся, разлетаются упруго,
И временами отличить нельзя
Коня от короля, врага от друга,
Земли от неба, пешки от ферзя.

Все в передышке, в прямоте скольженья,
В простой необратимости ручья —
Притворный бой, атака без движенья,
Размен фигур и вечная ничья.

Полна душа невыполнимой мести,
И вид для постороннего такой,
Как будто в дым упившийся гроссмейстер
Колдует над покинутой доской...

Откинь без слова занавес рогожный,
Смахни рубанком сучья и бугры!
Пора подумать — все не так уж сложно, —
Пора припомнить правила игры.

Ты сам за эти клеточки в ответе;
Да будут наши помыслы тверды,
Покуда день, покуда свежий ветер,
Покуда солнце шахматное светит
И держит память нужные ходы!

Эмилия Чегринцева

ШАХМАТЫ

Вадиму Морковину

Длинные пальцы большой руки, —
Ястребом кружит тень.
Мир оплывает в размах доски.
Белая клетка. День.

Деревянны шаги королевской четы,
Деревянны хвосты коней.
Офицерские очи прозрачно — пусты
От бессонных ночей и дней.
Очарованно двинулась белая рать,
За квадратом берёт квадрат.
Обречённо клялись короля защищать
Деревянные души солдат.

Как золотисты волосы под шлёмом!
А белый плащ как крылья на плечах!
Король, король! Любовь страшней
измены.
Я подымусь, я глухо крикну — шах!

Чёрная дама, как Жанна д'Арк,
Гордо ведёт войска.
Шелест знамён, как весенний парк.
Мутно блестит доска.
Белый квадрат, чёрный квадрат,
Гулкая тьма и свет.

Нежность молчит. Души молчат.
Копья несут ответ.
Конь вороной, сбив седока,
Крошит копытом мир.
Саван па лоб сдвинув слегка,
Смерть сторожит турнир.

Как нож вонзает листья кактус
В окно, завешенное тьмой,
И сон, однажды сбившись с такта,
Не возвращается домой.
Вползая медленно и едко,
Сдвигает комнату тоска,
Душа томится в чёрной клетке,
Ночь нарастает, как раскат.
Я низко опускаю плечи —
Любовь враждебна и темна.
Мне защищаться больше нечем.
Мой ход неверен. Я одна.
Неотвечающей любовью
Полна, как ядом, тишина.

Вот так — согнувшись в изголовьи,
Встречать я день осуждена.
Но утро, и живешь иначе,
Надеждой сомкнуты уста,
Мир — разрешенная задача,
И клетка черная пуста.

Атакуют последнюю башню с востока
Темнолицые рати, победу пленив,

И над полем, над рябью квадратов широких
Ты один, как бессмертный таинственный миф.
Белокурый король пошатнулся. Из рук
Выпускает копьё и щит,
Но уж королева — недремлющий друг,
На защиту к нему спешит.
Королева, гардэ! Назад!
Но в крови голубой копьё,
Но уже стеклянеет взгляд.
Барабан похоронно бьёт.

Король, несчастье чертит
Последний ваш квадрат.
Любовь страшнее смерти.
Король, прощайте! — Мат.

И вот опять кладёт судьбу
Рука в холодную коробку.
Мы деревянно спим в гробу

И ждём и трепетно, и робко,
Что завтра, вновь начав игру,
Нас будет двигать свысока
Всё та же крупная рука.

1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

В. АГАТОВ

«Шахматы»

стр. 13

Это стихотворение В. Агатова в течение долгих лет приписывалось то Апухтину, то Беранже. Поэт написал его шестнадцатилетним юношей, в 1918 г. Вскоре композитор Юлий Хайт написал музыку на слова стихотворения. Выдающиеся русские актеры: В. И. Качалов, Б. С. Борисов, Н. А. Светловидов с большим успехом выступали с мелодекламацией — «Шахматы».

В январском номере журнала «Шахматы в СССР» 1964 г. В. Агатов так говорит о своём стихотворении: «Я написал «Шахматы» под влиянием множества прочитанных книг о Великой французской революции... Форма стихотворения, конечно, не случайна. Я хотел поэтически как-то выразить свою любовь к шахматам».

С. БОНДАРИН

«Шахматы»

стр. 16

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Шахматы в СССР» № 2. 1969 г.

Ф. ГЛИНКА

«Наука»

стр. 17

Впервые стихотворение было опубликовано автором в «Северной пчеле», № 90, 1827 г. Оно было подписано инициалами — Ф. Г.

И. ЕЛАГИН

«Анатолию Сапронову»

стр. 18

Первая публикация стихотворения — газета «Новое Русское Слово» от 14 мая 1972 г.

«А. Сапронов — мой друг, замечательный шахматист... Он преподавал в русском отделе Йельского университета, а сейчас преподаёт в Барнардском колледже». (Из письма И. Елагина к Э. Штейну.)

А. ЛОЗИНА — ЛОЗИНСКИЙ
"Chimerisando"
стр. 22

Это полузабытое стихотворение поэта было включено им в сборник стихов «Тротуар», изданный в Праге в 1916 г.

«Случилось так, что два молодых человека решили попробовать, каково быть частными издателями, и заказали О. М. антологию русской поэзии от символистов до «сегодняшнего дня»... О. М., как обычно, искал у поэтов удач: у Добролюбова «Говорящих орлов», у Бальмонта «Песню араба, чьё имя ничто», у Комаровского «На площадях одно лишь слово — даки», у Бородаевского — «Стрижей», у Лозины — Лозинского — «Шахматистов».

(Из книги Н. Мандельштам «Воспоминания», издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1970 г. стр. 225) Не понятно, почему Н. Мандельштам в своих «Воспоминаниях» не сохранила оригинального названия стихотворения А. Лозины-Лозинского.

Ю. МАНДЕЛЬШТАМ
«Шахматы»
стр. 23

Стихотворение вошло в сборник поэта «Третий час», изданный в 1935 г.

Б. НАРЦИССОВ
«Шахматы»
стр. 26

Стихотворение опубликовано в сборнике поэта «Стихи», в 1958 г.

«Король»
стр. 24

Из книги стихов «Голоса», 1961 г.

«Шахматы»
стр. 27

Публикуется впервые.

«Алеф»
стр. 28

Публикуется впервые.

— «Замечательной красоты комбинация: Мат внезапный слоном и конями!», — в этих строках поэт выразил своё восхищение концовкой партии, разыгранной в Чикаго, в 1905 г. между Доджем и Хогтелингом. В партии был разыгран контр-гамбит Альбина, и на 16-ом ходу черные дали белым красивый мат, конями и слонами. Партия была опубликована в книге мастера Горовитца «Золотая шахматная сокровищница», стр. 155-156. (The Golden Treasury of Chess,) by A. Horowitz.

А. ОРЛОВ
«Есть партии короче...»
стр. 29

«Король»
стр. 29

«Пат»
стр. 30

Стихи опубликованы в журнале «Шахматы в СССР», № 11, 1971 г.

Г. ПАНИН
«Шахматистам»
стр. 31

До августа 1971 года в русской поэзии не было ни одного акро, мезо или телестиха на шахматную тему. Единственной «связью» русского акростиха с шахматами был

факт, что филолог Гербстман, посвятивший акростих Брюсову, был талантливым шахматистом. Русский поэт Геннадий Панин, большой знаток акростиха в русской, польской и древнееврейской поэзии, в августе 1971 года написал первый русский «шахматный» акростих — «Шахматистам». Стихотворение впервые было опубликовано 30 марта 1972 года в газете «Новое Русское Слово», в «Шахматном калейдоскопе».

Б. ПАСТЕРНАК
«Марбург»
стр. 32

В антологии представлен первый вариант трех катренов, которыми заканчивается стихотворение. Тем самым, составитель умышленно концентрирует внимание читателя на «шахматной» ошибке поэта:
«И тополь — король. Королева — бессонница. И ферзь — соловей...»
Ферзь и королева — одна и та же фигура на шахматной доске.
В окончательном варианте последнего катрена поэт исправляет свою ошибку:
«И тополь — король. Я играю с бессонницей
И ферзь — соловей...»

В книге: «Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы» — Москва — Ленинград 1965 год, со вступительной статьей А. Синявского и с примечаниями Л. Озерова дана следующая окончательная редакция первого катрена:
«Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. У нас с ней союз.
Зачем же я, словно прихода лунатика,
Явления мыслей привычных боюсь?»

В книге же: «Борис Пастернак. Стихи и поэмы 1912-1932» под редакцией Проф. Г. Струве и Б. Филиппова этот же катрен дан в такой редакции:
«Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,

бессонницу знаю. Стрясется — спасут.
Рассудок? Но он — как луна для лунатика
Мы в дружбе, но я не его сосуд».

Правда, в своих комментариях проф. Г. Струве и Б. Филиппов указывают, что предыдущая редакция строфы включена в «Стихи 1945».

Следует отметить и вариант строфы, относящийся к 1957 году:

«Чего же я трушу? Ведь я как грамматику
Бессонницу знаю. Я так к ней привык.
Дорожкой в четыре оконнных квадратика
Расстелит заря свой худой половик».

В. ПЕРЕЛЕШИН
«Защита Лужина»
стр. 33

В русской литературе есть два «шахматных» произведения с одинаковым заглавием: «Защита Лужина». Роман В. НАБОКОВА, впервые изданный в Берлине, в 1930 г. издательством «Слово», а второе — стихотворение В. ПЕРЕЛЕШИНА, вошедшее в сборник поэта «В пути», изданный в Харбине, в 1937 г. Первая однако публикация стихотворения относится к 5-ому ноября 1936 г. Оно было напечатано в журнале «Рубеж», № 37. Стихотворение печатается с посвящением «Моей матери». В книге «В пути» посвящение было снято, ибо весь сборник посвящен матери поэта, и поэтому посвящение было бы «биквадратным».

«Шахматы»
стр. 34

Опубликовано в «Новом Русском Слове», 17 августа 1971 г. Стихотворение вошло в новую книгу стихов поэта «Заповедник».

«Игра»
стр. 35

В первоначальном варианте стихотворения был такой катрен:

«И я, с последнего квадрата
шагнув, но пойман на весу,
ужели короля от мата
безумной жертвой не спасу?»

«Окраинному поэту»
стр. 36

Публикуется впервые.

«Смысл истории»
стр. 37

Публикуется впервые.

«Для начинающих»
стр. 38

Публикуется впервые.

П. ПОТЕМКИН

«Пешка, король и ферязь»
Шахматная басня
стр. 41

Впервые басня была опубликована в «Сигналах» 1906 год, № 1, за подписью — Андрей Леонидов.

А. ПУШКИН

«Царь увидел пред собою...»
стр. 42

Это стихотворение, вернее, набросок для ненаписанной сказки, относится ко времени работы поэта над «Сказкой о золотом петушке». Стихотворение включено в антологию в том варианте, в котором оно было опубликовано в десятитомнике 1957 года (Т. 3, стр. 269 «издание второе»), в редакции:

«...Грозно куколки сидят»...

В третьем томе второй части «Сочинений» А. С. Пушкина

(Издание Академии Наук СССР стр. 896) даны черновые варианты поэта к стихотворению:

«Тихо куколки с т о я т

*

все сидят
В перчатках

*

Перед пешками (?) стоят

*

Грозно куколки стоят

В первой части третьего тома того же издания (стр. 304):
«Грозно куколки с т о я т»;
этот же вариант сохранен в третьем томе десятитомника, изд. 1949 года (стр. 269).

П. СЕРЕБРЯКОВ
«Вражда»,
«Королевские пешки»
стр. стр. 43-44

Стихотворения опубликованы в журнале «Шахматы в СССР» 1969 год. № 2.

В. ХЛЕБНИКОВ
«Дети Выдры»
стр. 45

Напечатаны в сборнике «Рыкающий парнас» (М. 1913 г.), который был арестован за рисунки Филонова. Сборник почти не попал в продажу.

Э. ЧЕГРИНЦЕВА
«Шахматы»
стр. 49

Стихотворение вошло в сборник «Посещения». На титульном листе обозначено место и время издания — Прага 1936 год, а в самом его конце (в списке серии изданий под общей редакцией А. Б. Бема) сказано: Эмилия Чегринцева. Посещения. Стихи. Таллин 1936 год.

СПИСОК ШАХМАТНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕВОШЕДШИХ В АНТОЛОГИЮ

1. В. Давидович, «Песенка шахматиста» («Шахматы в СССР» 1966 г., №7)
2. И. Давыдов, «Баллада о шахматах» («Шахматы в СССР» 1965 г., № 2)
3. Дон-Аминадо, «Александру Алехину» («Новое Русское Слово», Нью-Йорк, 29 апреля 1972 г.)
4. Е. Ильин, «Из азбуки шахматиста» («Шахматы в СССР» 1964 г. № 7)
5. В. Инбер, «Я вспоминаю» (1960 г.)
6. В. Лобода, «Соболезнования зрителю»,
   «Новогодний тост»,
   «Необычайный концерт»,
   «Земля запомнит...» («Шахматы в СССР», 1971 г., № 5)
7. Вл. Михановский, «Чемпион мира» («Советский спорт», 1972 г. 17 августа)
8. А. Орлов, «Победа» («Шахматы в СССР» 1971 г., № 11)
9. К. Павлова, «Сцена» («Стихотворения К. Павловой», Москва, 1863 г.)
10. Г. Панин, «Предсказание» («Новое Русское Слово», Нью-Йорк, 22 апреля 1972 г.)
11. М. Пантелеев, «Разговор о шахматах» («Шахматы в СССР» 1967 г., № 1)
12. М. Светлов, «Репортаж» («Шахматы в СССР» 1969 г., № 6)
13. Эрдени, «Шахматы» (1946 г. из личного архива Б. А. Филиппова)
14. Издание И. Н. Иванова, «Шахматная поэма» (Харбин, Типография «Заря», 1926 г.)

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ, В КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ШАХМАТНАЯ СИМВОЛИКА

1. А. Блок, «Возмездие». «Стихотворения и поэмы» Госуд. издательство худож. л-ры Москва 1958.
2. И. Долгоруков, «Авось» — «Поэты начала XIX века» (Ленинград 1961 г. стр. 126)

3. О. Ильинский, «Куда девать мою память...» — «Новый журнал» (Нью-Йорк 1969 г. кн. 94, стр. 113)
4. В. Маяковский, «В. И. Ленин»
5. С. Надсон, «Я вам пообещал когда-то...» (1885 г.) «Полное собрание стихотворений» (Москва — Ленинград 1962 г. стр. 321)
6. Б. Нарциссов, «Молоко» — «Новое Русское Слово» (Нью-Йорк, 2-ое апреля 1972 г.)
7. Н. Некрасов, «Поэт и гражданин» (1855 — июнь 1856) Полное собрание стихотворений в трех томах. Том первый. Ленинград, 1957 г. Стр. 233.
8. А. Несмелов, «Агония» из книги «Без России»
9. В. Перелешин, «К Чехову» (Шанхай, 4 июля 1944 г. стихотворение не опубликовано)
10. И. Сельвинский, «Пушторг» из книги «Избранные стихи» (ГИХЛ, Москва, 1934 г.)

КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ С ШАХМАТНЫМИ МОТИВАМИ

1. Я. Кохановский, «Шахматы» (около 1564 г.) перевод с польского А. Арго, «Шахматы в СССР» 1959 г. № 8.
2. П. Маркиш, «Сорокалетний» (1920-1930 г.г.) из книги «Стихотворения и поэмы». Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград 1969 г. Перевод с еврейского Д. Маркиша.
3. А. Навои, «Со мной в походе два коня...» Из книги «Стихотворения и поэмы» (Москва-Ленинград 1965 г. стр. 220). Перевод с узбекского С. Иванова.
4. А. Раннит, «Без заглавия» из сборника «В оконном переплете» (1938 г.) Перевод с эстонского И. Северянина.
5. М. Рыльский, «В горах, среди камней и ледников...» (1922 г.) Перевод с украинского Н. Ушакова.
6. К. Сеет, «Игра в шахматы» (1889 г.) «Эстонские поэты XIX века» Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград 1961 г. стр. 331. Перевод с эстонского В. Азарова.
7. Ю. Тувим, «Смерть», из сборника «Пляшущий Сократ»

(Издательство «Чительник» Варшава 1955 г.) Перевод с польского А. Ревича.

8. Ф. Фрейлиград, «Шахматный конь» (1846 г.) «Шахматы в СССР» 1957 г. № 11. Перевод с немецкого М. Зенкевича.
9. Хагани Ширвани, «Развалины города Медаин», (Перевод П. Антокольского) Из цикла «Рубаи» (Перевод А. Корсуна) «Поэты Азербайджана». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. 1962 г. Стр. 59-60, 78.
10. Я. Эйхенбаум, «Гакраб» (1840 г.) Перевод с древнееврейского О. Рабиновича. (Город Одесса, 1847 г.).

ПОЭТЫ, ВКЛЮЧЕНЫЕ В АНТОЛОГИЮ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. В. Агатов	1902 г.
2. П. Бобрищев — Пушкин	1802-1865 гг.
3. С. Бондарин	1903 г.
4. Ф. Глинка	1786-1880 г.г.
5. И. Елагин	1918 г.
6. В. Инбер	1890-1972 г.г.
7. А. Лозина — Лозинский	?-1918 г. (приблизительно).
8. Ю. Мандельштам	1908-1943 г.г.
9. Б. Нарциссов	1906 г.
10. А. Орлов	1932 г.
11. Г. Панин	1895 г.
12. Б. Пастернак	1890-1960 г.г.
13. В. Перелешин	1913 г.
14. А. Перфильев	1895-1973 г.
15. П. Потемкин	1886-1926 г.г.
16. А. Пушкин	1799-1837 г.г.
17. П. Серебряков	?
18. В. Хлебников	1885-1922 гг.
19. А. Цветков	?
20. Э. Чегринцева	1904-?